

УДК 343.14

В.К. Зникин

РАСКРЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ВЕКТОР ОПТИМАЛЬНОГО ЕГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Рассматривается раскрытие преступления как уголовно-процессуальная, криминалистическая и оперативно-розыскная категория. Анализируются особенности криминалистического и оперативно-розыскного аспектов раскрытия преступления. Формулируются предложения, направленные на совершенствование уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: раскрытие преступления, расследование преступления, оперативно-розыскная деятельность.

Одними из основных причин существующего до сих пор неблагоприятного положения в борьбе с преступностью являются недостатки в организации взаимодействия следователей, органов дознания и субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также несистемный обмен оперативной и доказательственной информацией между ними. Факторами, сдерживающими проведение активных, наступательных оперативно-розыскных и оперативно-технических мероприятий по добыванию оперативной информации из криминальной среды, являются осторожность, а порой просто нерешительность из-за опасения возможной угрозы собственной безопасности органа и личной безопасности или расшифровки оперативного сотрудника, боязнь быть признанными общественностью и средствами массовой информации нарушителями прав граждан.

В повседневной работе правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений связь оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса должна выражаться в различных формах взаимодействия оперативных сотрудников и следователей. Методологической основой использования результатов оперативно-розыскной деятельности в интересах уголовного процесса должны служить положения теории познания, связанные с такими категориями, как собирание, проверка и оценка результатов оперативно-розыскной деятельности, используемыми в уголовно-процессуальной деятельности в качестве доказательств либо ориентирующей информации [1. С. 5]. Это предполагает необходимость более глубокого осмысления вопросов соотношения и взаимосвязи оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса в вопросах доказывания.

Получение фактической оперативной информации и, самое важное, использование ее в доказывании по уголовному делу, в том числе и в качестве ориентирующей, является реальным вектором развития взаимосвязи оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса при раскрытии преступлений на этапе предварительного расследования.

Раскрытие преступления представляется как процесс познания его сущности, который развивается от обнаружения отдельных признаков преступ-

ления к установлению всех присущих ему юридически значимых фактов. Следы преступления, трансформируясь в форму доказательств, являются средством расследования преступления, но требуется затратить немало усилий по их отысканию и фиксации. Ситуационный анализ практики раскрытия и расследования преступлений показывает, что поисково-познавательная деятельность следователя и оперативного сотрудника хотя и преследует такую общую цель, как установление истины по уголовному делу, однако может развиваться в различных направлениях. Например, даже само понятие «раскрытие преступления» оценивается следователем и оперативным сотрудником по-разному [2. С. 7].

В уголовно-процессуальной деятельности следователей раскрыть преступление означает, прежде всего, доказать наличие в том или ином деянии события преступления, а уже затем собрать доказательства, подтверждающие факт совершения преступления определенным лицом. Поэтому очевидно, что при определении уголовно-процессуальной сущности понятия «раскрытие преступления» нужно опираться на положения уголовного права и теории доказательств. Тогда, будучи результатом доказывания, раскрытие выразится в установлении всех элементов состава преступления, подлежащих доказыванию. Именно в этом и будет заключаться сущность раскрытия преступления.

С учетом изложенного под раскрытием преступления в уголовном процессе следует понимать установление путем доказывания времени, места, способа совершения преступного деяния, лица, совершившего это деяние, и его виновности, а также других обстоятельств, поскольку они относятся к составу преступления. Полное раскрытие преступления означает установление всех его эпизодов и всех лиц, виновных в его совершении [3. С. 187].

Трудно не согласиться с мнением В.К. Гавло, что нельзя раскрыть преступление, не расследовав его [4. С. 31]. Приведенное требование является главным оценочным показателем взаимодействия и координации следственных и оперативно-розыскных подразделений, так как по большому счету активность оперативных сотрудников должна быть высокой на всех стадиях движения уголовного дела, что подразумевает оперативно-розыскное сопровождение уголовного судопроизводства в целом.

В то же время получается парадокс. Полагая, что нельзя раскрыть преступление, не расследовав его, мы становимся заложниками непреодолимой проблемы. Следует согласиться с тем, что расследование необходимо и без него конкретный процессуальный результат установления виновного лица невозможен. Между тем это тоже всего лишь промежуточный результат, так как впереди судебное разбирательство. Непреодолимость будет заключаться в следующем. Раскрытие преступления и учет раскрытых преступлений – это не одно и то же. Виновность конкретного лица в совершении преступления устанавливает суд. Значит, до этого момента названное лицо нельзя назвать преступником, т.е. тем, кто совершил преступное деяние. Но ведь расследование преступления окончено, обвинительное заключение утверждено прокурором и уголовное дело направлено в суд. Следовательно, преступление может быть учтено как раскрытое согласно инструкции, утвержденной Генеральным прокурором РФ и министром внутренних дел РФ, между тем в ре-

зультате судебного разбирательства может быть достигнут результат, не совпадающий с результатами предварительного расследования частично или полностью, тогда как по учетам дело прошло как раскрытое, но расследование не решило до конца задачу раскрытия преступления.

Представляется, что раскрытие преступления – это криминалистическая и оперативно-розыскная категория, которая определяет вектор оптимального расследования преступления. При этом учет раскрытых или нераскрытых преступлений, если лицо, подозреваемое в совершении указанного деяния, было установлено, должен вестись по осужденным и оправданным лицам за недоказанностью их виновности.

По мнению Ю.К. Якимовича, в сфере уголовного судопроизводства раскрытие преступления выступает не как процессуальная функция, а как одна из его задач по уголовному преследованию и защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [5. С. 4]. С ним не согласен В.А. Азаров, который считает, что задача раскрытия и предупреждения преступлений изъята из законодательных формулировок УПК РФ. При этом он категоричен в своих суждениях относительно субъектов раскрытия преступлений и утверждает, что «раскрыть преступление можно лишь *в рамках расследуемого уголовного дела* (выделено В.А. Азаровым. – В.3.), из чего исходит и государственная статистика, учитывающая совершенные и раскрытые преступления» [6. С. 17–18]. Получается парадокс. Задачу на раскрытие преступления не ставим, но утверждаем, что раскрыть можно только в рамках расследуемого уголовного дела.

Следует отметить, что в качестве процессуальной формы раскрытия преступления законодатель определил предварительное расследование. Другой правовой формой раскрытия преступления будет являться оперативно-розыскная деятельность. Не случайно поэтому раскрытие преступлений является одной из задач, стоящих перед оперативно-розыскной деятельностью (ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»). Для оперативно-розыскной деятельности органов дознания раскрыть преступление – значит собрать с помощью непроцессуальных приемов, средств, методов и соответствующим образом зафиксировать информацию о преступном деянии и лицах, его совершивших [3. С. 186].

Это дает нам основание сказать, что по отношению к уголовно-процессуальной деятельности оперативно-розыскное обеспечение раскрытия преступлений будет носить сопровождающий и обслуживающий характер. Однако использование сил и средств оперативно-розыскной деятельности для быстрого и полного раскрытия и расследования преступлений является необходимым условием. «Можно сказать, что раскрытие сложного замаскированного преступления, – отмечал В.Г. Танасевич, – практически невозможно без применения оперативно-розыскных мер» [7. С. 39].

Конечно, необходимо учитывать, что уголовно-процессуальное понятие раскрытия преступлений отличается от криминалистического. Во втором случае эта деятельность по расследованию преступления направлена на получение информации, дающей основание для выдвижения версии о совершении преступления определенным лицом после того, как все иные взаимоисключающие ее версии будут проверены и отвергнуты. И здесь раскрытие

преступления – совместная задача следователя и оперативных работников органов дознания [8. С. 180]. Отсюда в криминалистическом аспекте раскрытие преступления – это факультативная тактическая задача расследования по поиску лица, совершившего преступление. Поэтому понятие «раскрытие» применяется в отношении преступлений, совершенных в условиях «неочевидности», т. е. таких, по которым в момент возбуждения уголовного дела неизвестны лица, их совершившие. Если преступление очевидно, т.е. лицо, его совершившее, известно, то задача следователя сводится к осуществлению своих процессуальных функций только по расследованию деяния [9. С. 11–12].

В противоположность этому некоторые авторы считают, что посредством оперативно-розыскной деятельности раскрыть преступления нельзя. Так, А.К. Гаврилов пишет: «Не отрицая важного значения оперативно-розыскных мер в подготовке условий для раскрытия преступлений, мы, тем не менее, полагаем, что преступление раскрывается (устанавливается) не этими мерами, а уголовно-процессуальными. Орган дознания может располагать полной совокупностью сведений о преступлении и преступнике, но в правовом значении преступление в подобных случаях не считается раскрытым» [10. С. 19].

Следует поддержать И.Ф. Пантелеева в том, что если бы автор приведенных выше строк писал о расследовании, а не о раскрытии, то с ним вполне можно было бы согласиться. Действительно, в подобном случае преступление нельзя считать расследованным, хотя оно уже раскрыто. Раскрытие и расследование – понятия не тождественные [11. С. 15]. Первое – категория криминалистическая, второе – категория уголовно-процессуальная. Раскрыть – значит обнаружить, сделать известным, объяснить что-нибудь тайное, неизвестное и т.п. [12. С. 607]. В нашем случае раскрыть преступление – означает выявить все его факультативные признаки и установить лицо, совершившее деяние. При этом, анализируя различные точки зрения относительно содержания раскрытия преступления, можно предложить рассматривать его как поэтапный процесс установления всех необходимых сведений о совершенном преступлении [13. С. 18].

Нельзя не согласиться с мнением В.Е. Корноухова, что оперативно-розыскное обеспечение расследования преступлений – это обусловленная деятельностью следователя та часть оперативно-розыскной работы, которая связана как с координацией, так и взаимодействием методов и средств обоих органов, направленных на установление истины по уголовному делу, и принятие к виновным мер, предусмотренных законом [14. С. 67]. Другими словами, это один из видов взаимодействия следствия и оперативно-розыскных аппаратов, направленных на раскрытие преступлений, являющийся эффективным средством борьбы с преступностью.

Соотношение и взаимосвязь оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса в вопросах доказывания регламентируются ст. 89 УПК РФ «Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности». Название многообещающее и прогрессивное, но содержание статьи настораживает: «В процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требовани-

ям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом». Следует согласиться с В.Т. Томиным, М.П. Поляковым и А.С. Александровым [15. С. 55–56], которые считают, что формулировка ст. 89 свидетельствует скорее о регрессе. Ведь в проекте УПК-1 содержание статьи было иным: «Результаты оперативно-розыскной деятельности, полученные при соблюдении требований Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями настоящего Кодекса, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств».

И дело даже не в чисто словесной разнице указанных формулировок. Ведь если толковать буквально ст. 89 УПК РФ, то результаты оперативно-розыскной деятельности в виде ориентирующей информации не могут быть использованы ни при собирании доказательств, ни при их проверке и оценке.

Было бы гораздо понятнее, если бы данная статья воспроизвела содержание ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», в которой сказано, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведения других оперативно-розыскных мероприятий, служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, а также использоваться в доказывании по уголовным делам.

Вопрос о наличии права у органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, на представление доказательств имеет практическое значение. Часть 3 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривает, что представление результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд осуществляется на основании постановления руководителя органа, выполняющего оперативно-розыскную деятельность, в порядке, предусмотренном ведомственными нормативно-правовыми актами. Такой нормативно-правовой акт имеется – это Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд, утвержденная всеми субъектами ОРД в сентябре 2013 г.

Правомерность осуществления оперативно-розыскных мероприятий и возможность использования полученных результатов в процессе раскрытия и расследования преступлений определяется прежде всего по наличию (отсутствию) оснований для проведения таких мероприятий и соблюдению (нарушению) условий при их выполнении. Следует согласиться с В.В. Кальницким, что оперативные подразделения имеют юридическое право на представление доказательств, а неприятие их процессуальными органами должно быть мотивированным [16. С. 67]. При нарушении или отступлении от предписаний законодательных актов, регулирующих основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий, результаты их осуществления в интересах уголовного судопроизводства использоваться быть не могут.

Литература

1. Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М.: СПАРК, 1996. 89 с.

2. Гавло В.К., Воронин С.Э. Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде: учеб. пособие. Барнаул: БЮИ МВД РФ, 2000. 42 с.
3. Михайлов А.И. Проблемы эффективности предварительного следствия // Эффективность применения уголовного закона. М.: Юрид. лит., 1973. С. 181–191.
4. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. 194 с.
5. Якимович Ю.К., Пан Т.Д. Предварительное следствие по УПК РФ. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 192 с.
6. Азаров В.А. Функциональное содержание и типология современного уголовного процесса России // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г.: в 2 ч. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 15–23.
7. Советская криминалистика (теоретические проблемы). М.: Юрид. лит., 1978. 192 с.
8. Белкин Р.С. Криминалистика: учебный словарь-справочник. М.: Юристъ, 1999. 269 с.
9. Космодемьянская Е.Е. Повышение эффективности поиска лиц, совершивших корыстные, корыстно-насильственные преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2000. 28 с.
10. Гаврилов А.К. Раскрытие преступления. Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1976. 207 с.
11. Пантелеев И.Ф. Теоретические проблемы советской криминалистики. М., 1980. 89 с.
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1972. 816 с.
13. Лашко Н.И. Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования взятничества и коррупции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2001. 26 с.
14. Курс криминалистики. Общая часть / отв. ред. В.Е. Корноухов. М.: Юристъ, 2000. 784 с.
15. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: вводный. М.: Юрайт-М, 2002. 387 с.
16. Кальницкий В.В. Следственные действия: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Омск: Омская академия МВД России, 2003. 160 с.

Znkin Valery K. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

DISCLOSURE OF A CRIME AS A VECTOR OF ITS OPTIMUM INVESTIGATION.

Key words: disclosure of a crime, investigation of a crime, operational-searching activity.

The obtaining of factual operative information and its use in proving a criminal case represent a real vector of development of interconnected operational-searching activity and criminal procedure in the course of crime disclosure at the preliminary investigation stage.

Disclosure of a crime can be understood as a cognitive process that develops from the detection of separate elements of a crime to ascertainment of its inherent legally important facts. Being transformed into the form of evidence, traces of a crime become the investigative means. The situational analysis of the practice of detection and investigation of crimes shows that a searching-cognitive activity of investigators and operating officers can develop in different ways though they both pursue the same objective – ascertainment of the truth in a criminal case. The very notion “disclosure of a crime” is evaluated by investigators differently. In criminal procedural activity of investigators to disclose a crime means to prove, first of all, the existence of a crime and then to collect evidence supporting the fact of commission of the crime by a definite person. Therefore, while defining the criminal procedural essence of the notion “disclosure of a crime” it is necessary to take into account the provisions of criminal law and the theory of evidence. Then, being the result of proof, disclosure will cover the ascertainment of all the elements of a crime to be proved. And this is the essence of disclosure of a crime”.

Disclosure of a crime is a criminalistical and operational-searching category which determines the vector of optimum investigation of a crime. As compared with the criminal procedural activity the operational-searching one has an accompanying and supporting character. The use of forces and means of operational-searching activity for quick and full disclosure and investigation of a crime is a necessary condition. In a criminalistical aspect disclosure of a crime is an optional tactical task to find a person who committed a crime. That is why the notion “disclosure” is used in relation to crimes committed in the conditions of non-obviousness, i.e. when the persons who committed the crime were unidentified when the action was instituted.

The results of operational-searching activity can be used for the preparation and realization of investigative and court actions, for the conduct of other operational-searching measures, they serve as a reason for institution of a case and for proof in criminal cases. If there are violations or departures from legislative acts regulating the grounds for operational-searching measures, the results of such measures cannot be used in the interests of criminal procedure.

References

1. Dolya E.A. Ispolzovanie v dokazivanii rezultatov operativno-rozihschnoy deyatel'nosti. M.: SPARK, 1996.
2. Gavlo V.K., Voronin S.Eh. Aktualnihe problemih poiskovo-poznavatel'noy deyatel'nosti v sude: ucheb. posobie. Barnaul: BYuI MVD RF, 2000.
3. Mikhayjlov A.I. Problemih ehffektivnosti predvaritel'nogo sledstviya // Ehffektivnostj primeneniya ugolovnog zakona. M.: Yurid. lit., 1973. S. 181–191.
4. Gavlo V.K. Teoreticheskie problemih i praktika primeneniya metodiki rassledovaniya otde'lnihkh vidov prestupleniy. Tomsk, 1985.
5. Yakimovich Yu.K., Pan T.D. Predvaritel'noe sledstvie po UPK RF. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2002.
6. Azarov V.A. Funkcional'noe sodержanie i tipologiya sovremennogo ugolovnog proces-sa Rossii // Pyatjdesyat let kafedre ugolovnog processa UrGYuA (SYuI): materialih Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Ekaterinburg, 27–28 yanv. 2005 g.: v 2 ch. Ekaterinburg, 2005. Ch. 1. S. 15–23.
7. Sovetskaya kriminalistika (teoreticheskie problemih). M.: Yurid. lit., 1978. 192 s.
8. Belkin R.S. Kriminalistika: uchebnihyj slovarj-spravochnik. M.: Yuristjh, 1999. 269 s.
9. Kosmodemjanskaya E.E. Povihsenie ehffektivnosti poiska lic, sovershivshikh korihst-nihe, korihstno-nasiljstvennihe prestupleniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Tomsk, 2000. 28 s.
10. Gavrilov A.K. Raskrihtie prestupleniya. Volgograd: Izd-vo VSSH MVD SSSR, 1976. 207 s.
11. Panteleev I.F. Teoreticheskie problemih sovetskoy kriminalistiki. M., 1980. 89 s.
12. Ozhegov S.I. Slovarj russkogo yazihka. M., 1972. 816 s.
13. Lashko N.I. Kriminalisticheskaya kharakteristika i pervonachalnihyj ehtap rassledova-niya vzyatochnichestva i korrupcii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Ul'yanovsk, 2001. 26 s.
14. Kurs kriminalistiki. Obthaya chastj / otv. red. V.E. Kornoukhov. M.: Yuristjh, 2000. 784 s.
15. Kommentariyj k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoy Federacii: vvod-nihyj. M.: Yurayjt-M, 2002. 387 s.
16. Kaljnickyj V.V. Sledstvennihe deyjstviya: ucheb. posobie. 2-e izd., pererab. i dop. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2003. 160 s.